

огласовки *о ряда еі)⁴. Вполне вероятно, что аналогичное воздействие глаголов типа *rějq, их словообразовательных связей на глаголы типа *prěti, *prějq было еще шире. В таком случае морфологическая модель ѣ(j) : і в парах типа *rějq - *rinqti может объяснить появление при исходном *prěti производного rinqti с вторичным вокализмом в ступени редукции ряда еі. Как и в отношении projiti, не исключена праславянская древность rinqti.

- 4 Варбот Л.И. Еще один тип вторичного аблаута в славянских языках. - В кн.: Славянское и балканское языковедение: Проблемы морфологии. М., 1981, с.56-58. В статье рассмотрено, помимо projiti, еще четыре случая вторичного аблаута этого типа.

З.С.Мусихина

Уральский университет

К вопросу о формировании гидрографической терминологии в севернорусских говорах

Сложная историческая судьба севернорусских говоров, обусловленная многовековыми контактами русских переселенцев с финно-угорскими народами¹, наиболее наглядно отражена в лексике этих говоров. Формирование севернорусской лексики происходило в течение длительного времени и шло различными путями. На протяжении нескольких веков здесь сосуществовали две разноязычные стихии: славянская и финно-угорская, последняя была полностью поглощена первой, сохранившись в ней в виде некоторых включений (единичных и разрозненных) в области лексики, а также фонетики и частично синтаксиса. Поэтому в лексике севернорусских говоров наряду со славянскими элементами встречается большое количество неславянских, в основном финно-угорских, элементов.

- 1 Витов М.В. Этнические компоненты русского населения Севера (в связи с историей колонизации XII-XV вв.). М., 1964, с.7-9; Соболевский А.И. К вопросу о финском влиянии на великорусское племя. - В кн.: Живая старина, 1893 вып.1-4, с.115-116.

Есть немало примеров, указывающих на параллельное сосуществование в древности славянских и неславянских пластов лексики на русском Севере. Русские, придя на территорию европейского Севера, имели свою исторически сложившуюся группу названий для речных, озерных, болотных и т.п. объектов, часть названий они создали уже здесь на базе славянского материала и довольно большое количество слов заимствовали из языков народов, с которыми вступили в тесный контакт. Русских переселенцев чрезвычайно поразило обилие и разнообразие озер, болот, протоков, многочисленных заливов — этих наиболее характерных географических объектов Севера. Поскольку в своем привычном словаре они не всегда находили нужные слова для обозначения новых для них явлений природы, то часто заимствовали их у местных жителей, так как в языке автохтонов всем этим разнообразным по форме, характеру и т.п. реалиям соответствовала полная система названий, т.е. коренные жители отмечали языковыми средствами каждый дифференцирующий признак объекта; к примеру, река, берущая начало из болота, называется иначе, чем река, соединяющая два болота (два озера); болото, поросшее карликовой березкой, именуется иначе, чем болото, поросшее еловым лесом и т.д. Возможно, эта необходимость в дифференциации, конкретизации географических объектов, связанная, в частности, с характером обитания населения (охота, рыболовство и т.д.), нередко служила причиной заимствования местной финно-угорской лексики севернорусскими говорами. Таким образом могли появиться и функционировать в языке русских переселенцев параллельные названия (славянские и неславянские). Небольшое количество заимствований с течением времени (из-за их фонетической схожести со славянскими словами) было переосмыслено. В результате деэтимологизации они стали восприниматься носителями севернорусских говоров как синонимические названия по отношению к собственно славянским. Например, в архангельских говорах встречается прибалтийско-финское заимствование² т и х а "небольшое озеро, обра-

2 Матвеев А.К. Две этимологии. — В кн.: Этимологические исследования. Свердловск, 1981, с. 63.

возавшееся в месте изгиба реки", "старица" (СТЭ), пересмысленное, очевидно, под влиянием слова т и х и й³ "спокойный, небольшой скорости, небистрый, неторопливый" (ССРЛЯ ХУ, 484-490) и собственно славянские г л у ш и-ца, г л у ш к а, г л у ш и џ а "восточная заводь на месте старого русла реки, старица" (СТЭ), производные от г л у х о й "что без выходу; безточь, непроточной; несквозной" (Даль I, 358).

В настоящей статье будет рассмотрена лишь часть гидрографической лексики архангельских и вологодских говоров: термины, служащие для обозначения некоторых частей реки (исток, верхнее течение, устье и старое русло реки). Для удобства анализа материала целесообразно объединить всю лексику в две группы, в каждой из которых материал приводится в алфавитном порядке.

Источником работы послужили материалы картотеки Севернорусской топонимической экспедиции Уральского университета, а также данные некоторых диалектных словарей.

1. Исток, верхнее течение и устье реки⁴

В е р х о р е ч и н а, в е р х р е ч и н а "верхнее течение реки" (СТЭ) - сложные термины, образованные от в е р х- и р е ч и н а (от р е х а), в которых отражается местоположение одних гидрообъектов по отношению к другим. Осложнены словообразовательным суффиксом -и н⁵ (а), продуктивным и в современном русском литературном языке, и в современных русских народных говорах, в частности архангельских и вологодских, например: болóтина, верхотíна,

-
- 3 В Среднем Поочье известен апеллятив т и ш ь "старое русло реки, озеро кольцеобразной формы". (См.: Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки в ее отношении к истории словарного состава русского языка: проблема реконструкции. Автореф. канд. дис. М., 1981, с. 21).
- 4 Логично рассматривать вместе лексику, служащую для обозначения начала и конца реки.
- 5 Русская грамматика. М., 1980, т.1, с.192-193.

валюина и др. (СТЭ).

В е р х о т а "верхнее течение реки" (СТЭ), в е р х о т ѝ н а "верховье реки, исток" (СТЭ), в е р х о т ѝ н к а "ручеек, начало реки" (СРНГ 1У, 170) представляют собой все звенья словообразовательной цепочки в е р х → в е р х о т а → в е р х о т и н а → в е р х о т ѝ н к а.

В о д о п а д "исток реки" (СТЭ), омонимичный литературному в о д о п а д "поток воды, падающий с наклона, утеса и т.п." (ССРЛЯ П, 514), образован из в о д а и п а д а т ь "течь, брать начало (о реке, ручье)" – СТЭ. Приведенное значение глагола, характерное для современных говоров русского Севера, утрачено в русском литературном языке (ССРЛЯ 1Х, 22). Очевидно, глаголом падать обозначалось как начальное, так и конечное движение воды в реке. Однако в тех же говорах отмечено в ѝ п а с т ь "вытечь (о реке, об ее устье)" – СТЭ, дериватами которого могут быть в ѝ п а д "исток реки, ручья", "ручей, вытекающий из озера", в ѝ п а д о к "исток ручья", в ѝ п а д к и "исток реки, ручья" (СТЭ). В такой же степени они могут быть производными от в ѝ и п а д а т ь "течь, брать начало (о реке, ручье)" – СТЭ. Для обозначения устья служит также отглагольное образование в ѝ х о д "устье", "место слияния рек" (СТЭ), передающее, как и предшествующие ему лексемы, характер процесса движения воды (в данном случае – законченность, конечность этого процесса).

Кроме того, на данной территории встречаются олицетворяющие метафоры в названиях истока, верховья реки⁶. В качестве географических терминов употребляются слова, обозначающие части тела человека и животных. Такое соотношение частей тела человека и животных с объектами действительности (в нашем случае – с географическими объектами) является очень древним и характерным для многих народов.

6 См.: Дзедзеевский И.А. Из наблюдений над типологией славянских, финно-угорских, германских, тюркских и других названий гидрорельефа. – В кн.: Вопросы финно-угроведения. Сыктывкар, 1979, с. 88; Ткаченко Н.В. Типы морфологических названий в русской гидронимии. – В кн.: Вопросы ономастики. Свердловск, 1979, вып. 13, с. 65–79.

Г о л о в а́, о г о л о в о к "верховье реки" (СТЭ). О типичности модели, по которой образовано слово о г о л о в о к, свидетельствуют, например, такие диалектизмы, как о в ё р ш ь е "верхний слой сена в стоге" (Подвысоцкий, 107), о с ё р д ь е "внутренности животного" (КСРПГ), т.е. то, что находится около верха стога, около сердца, или у "головы" (верховья) реки.

Ч е л н а "исток реки" (Куликовский, 132). Этот термин М. Фасмер считает славянским, возводя его к ч е л о (Фасмер IV, 327).

В архангельских и вологодских говорах, как видно из примеров, для обозначения истока, верховья реки и устья используется немногочисленная группа славянских по происхождению наименований. Это и понятно: для таких понятий, как начало и конец реки, у каждого народа имеется исконная и древняя номенклатура, и поэтому русские переселенцы не испытывали необходимости в заимствовании. Поскольку лексика, объединенная в группу "исток, верхнее течение, устье реки и ручья", служит для обозначения начального и конечного движения воды в реке (ручье), в образовании ее чаще всего участвуют глаголы – слова, наиболее емко передавшие динамику действия.

2. Старое русло реки

Старое русло реки появляется в том случае, когда река или промывает (прорывает) новое, проходя через мягкие, легко поддающиеся размыванию грунты, или, нанося осадочные материалы, забивает (загоразивает) русло реки, делает поворот и течет дальше в другом месте. Иногда старое русло соединяется с рекой (как правило, в весеннее время), в некоторых случаях на его месте образуется своеобразное озеро – все эти особенности характера реалии так или иначе отображаются в лексике.

В и м о и н а "пересохшее русло реки" (СТЭ) образовано от в н - и м н ь / м о в (Фасмер II, 26). Кроме того, так же называется берег, подмытый рекой, яма в реке. Известны еще дериваты глагола мить: п р о м о й, п р о -

м и в и н а (Даль П, 497), употребляющиеся в другом значении.

З а л о́й "остаток старого русла реки" (СТЭ) имеет в своей основе славянский глагол л и т ь (Фасмер П, 504).

П о л о́й "староречье" (СТЭ) - дериват этого же глагола.

Оба термина обладают необычайно широкой многозначностью, очевидно, в силу того, что глагол л и т ь означает неконкретный, неопределенный характер движения воды, в отличие, например, от начального и конечного движения воды в реке (ручье). З а л о́е м и п о л о́е м в архангельских и вологодских говорах может называться, кроме староречья, залив, заливной дуг, проток, рукав реки, яма с водой и т.д. Можно отметить еще и многообразие производных глагола л и т ь в современном русском литературном языке и в русских народных говорах (не только в архангельских и вологодских), которое мы не найдем, к примеру, у дериватов глаголов м н и т ь и р в а т ь (глаголов с более определенным значением), ср.: лит. в а л и́в, п р о л и́в, диал. з а л о́й, н а л о́й, о б л и́в, п е р е л е́ва, п о л о́й, п р о л о́й, с у л о́й и др.

П р о́р ь в "старое русло реки" (СТЭ) образовано от п р о- и -р ь в (из р в а т ь/р ь т ь) - Фасмер П, 452, 531. Зафиксировано также еще одно производное этого глагола: п р о́р в а (Даль П, 506), но в ином значении.

Наконец, славянскими по происхождению являются приведенные ранее в качестве примера г л у ш и́ц а "застойная заводь; залив; глухой рукав реки, непроточный; старица, заливаемая с одного конца", г л у́ ш к а "староречье", г л у ш и́ц а "старица" (СТЭ) - производные прилагательного г л у х о́й "что без выходу; безточь, непроходной; несквозной" (Даль 1, 353).

Поскольку между старым и новым руслом реки лежит кусочек суши, в говорах при обозначении старого русла реки эта особенность местонахождения объектов иногда отображается: з а о́с т р о́в е ц, з а н а́ в о л о́ч ь е "старое русло реки" (СТЭ). В обоих случаях дается указание на тот объект, что находится за островом, наволоком; очевидно,

той полоской земли, которая отделяет старое русло от нового: *з а о с т р о в о м* → *з а о с т р о в е ц*, *з а н а в о л о к о м* (от *н а*- и *в о л о ч и т ь*, см. Фасмер 1, 345) → *з а н а в о л о ч ь е*. Такого рода образования (термины-ориентиры) широко распространены в лексике русских народных говоров (причем как в апеллятивной, так и ономастической): *з а р е к а*, *з а р е ч ь е* (всё, что за рекой), оттерминологические топонимы *Зарека*, *Заречье* и т.п.

К у р ь я "залив в реке, рукав реки, заводь, староречье, яма в реке" (СТЭ). М.Фасмер не дает конкретной этимологии, лишь осторожно замечает: "обычно объясняют из коми *кугъя* "залив" и сближают с фин. *кухи* "борозда" (Фасмер II, 431). "Ни русский, ни немецкий читатель, по нашему мнению, не получит ясного представления о том, что же все-таки означает это слово. На севере мы можем найти тысячи речных заливов и бухт, стариц, но не все они будут называться *курьями*. Фактически *курья* может быть представлена в виде глубокого речного залива... или в виде цепи озер... Самое существенное состоит в том, что *курья* - это тоже речная старица, у которой нет сквозного водного прохода. Если имеется достаточный для судов проход, старица будет называться не *курьей*, а *полоем*"⁷. Слово *к у р ь я* имеет очень широкое распространение в горах русского Севера, Урала и Сибири (Даль II, 225; Куликовский, 47; Подвысоцкий, 79; СГСУ II, 78; и др.). В говорах Сибири зарегистрировано также производное от *курья* - *к у р ь в и к а*⁸. А.К.Матвеев возводит *к у р ь я* к одному из субстратных финно-угорских языков, давно исчезнувшему: "В этимологическом отношении *к у р ь я* может быть сопоставлено с фин.

7 См.: Выдаев Д.Г. К вопросу о современном распространении топонимов типа *Забережник*, *Подгора* на территории Пермской области. - В кн.: Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Л., 1965, с.261-266.

8 Серебрянников Б.А. О финно-угорских этимологиях в словаре М.Фасмера. - В кн.: Лексикографический сборник. М., 1962, вып.5, с.34.

9 Мельхеев М.Н. Географические названия Восточной Сибири: Иркутская и Читинская области. Иркутск, 1969, с.106.

куга "длинное узкое углубление, заливчик или ложбина" = саам. лул. kugga, йок. kutt < фин. (SKES, 247). Эта этимология дана еще Вескэ¹⁰.

Л а м б и н а "арх. озерко на старице, на покинутом рекою русле", л а м б а "ол. глухое озеро, озерко без истоков, особ. в лесу" - Даль П, 235; олон. л а м б а, л а м б и н а "небольшое лесное озеро, озеро без истоков" (Куликовский, 48); онеж. л а м б и н а "маленькое озеро на болоте" (СТЭ). Л а м б и н а, очевидно, производное от л а м б а (ср. верхота → верхотина и т.п.). Рассматривая это слово, М.Фасмер приводит данные карельского и финского языков: "карел. lambi, фин. lampi "озерцо, пруд, лука" (Фасмер П, 455). Ср. также: фин. lampi, карел. ливв. lambi, лод. lamb, lambi "пруд, озерко, заводь", рх-эст. lamm "небольшой мелкий залив", саам. кильд., йок. lāimр "болото", швед. labbek, labbak "то же" (SKES, 273-274). Весьма интересным является замечание Б.А.Серебренникова: "Ламба означает прежде всего маленькое озеро в отличие от järvī"¹¹. Оно в какой-то степени подтверждает то положение, что переселенцы заимствуют из языка автохтонов прежде всего названия для видовых понятий (подобный вывод делается лишь по материалам гидрографических терминов), а не родовых, потому что для обозначения последних в словаре русских переселенцев имелись свои, исконно славянские названия: река, озеро, болото и т.п. А для наименования специфических северных гидрообъектов (река, протекающая по сухой местности, и река, протекающая по болоту; лесное озеро и озеро в болоте и т.п.) не имелось однословных названий, кроме описательных.

В русских говорах Карелии, по данным И.В.Сало, встречается л а м б и н а "1. лесное озеро, заболоченное озерко; 2. анбун, днбун, глазник в трясине; 3. лука". "... Только одно из значений... соответствует значению

10 Матвеев А.К. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР.

Докт.дис. М., 1970, т.2, с.502.

11 Серебренников Б.А. О финно-угорских этимологиях..., с.34.

оригинала л а м б и н а "лесное озеро" - карел. *lambi*, фин. *lampi* "лесное озеро". Остальные значения... развились на русской почве, в основном по смежности¹².

В современном финском языке лесное озеро может быть названо как *mettäjärvi*, так и *metvälampi*¹³, т.е. это еще раз подтверждает высказывание М.Фасмера о первоначальном заимствовании слова со значением "озерцо, пруд, лука", где озерцо, вероятно, может быть и лесным. Возможно, значение архангельского л а м б и н а развилось по смежности: л а м б а (л а м б и н а) "озерцо, пруд, лука" → "озерко на старице", "озерко на болоте".

П а в н а "старица", "старое, незааросшее русло реки", "зааросшее старое русло реки", "зааросшее озеро", "заливной луг", "лохбина с водой", "сухое место, торфяник" (СТЭ), п а в н а "арх.-мее. проток, ручей в болоте; это истоки речек, редко замерзающие" (Даль III, 5), п а в н а "1) покрытая травой низкая местность. Онеж., 2) проток в болоте, собственно источник вытекающей из болота речки" (Подвысоцкий, 115). Фасмер проводит из фин. *rauna* "лука", эст. *raun* "бочакина с водой" (Фасмер III, 182). Ср. также: фин. *rauna* "лука, яма с водой, прудик", *rauni* "пруд, лесное озеро", "река или широкая канава", *raunio* "маленькая лука", *rauni* "довольно большая лука, прудик", "устье", "река, пересыхающая летом", *raunama*, -о "ому...", эст. *raun* (род. пад. -а) "яма с водой (где вымачивают лен)", *jõe-raunad* "низменный речной берег", диал. *raun* "яма с водой" (SKES, 507-508). Севернорусской топонимической экспедицией п а в н а зарегистрирована лишь в Холмогорском и Онежском районах Архангельской области. Интересным является то, что п а в н о я может называться, кроме староречья, и зааросшее, и незааросшее старое русло реки: За речью павна, это староречье, раньше река текла, а сейчас болотом заросло (Арх: Онеж, Холм). Павна - это значит старица, там вода, озерко небольшое, с речью не связано, в большую воду соединяется (Арх: Онеж). Павна - это река или не заросла, а зароснет,

12 Сало И.В. Влияние прибалтийско-финских языков на севернорусские говоры поморов Карелии. Автореф. канд. дис. М., 1966, с. 18.

13 Русско-финский словарь. М., 1963, с. 476.

так пахта (Арх: Хоим). Эта неустойчивость в семантике холмогорско-онежских говоров, возможно, свидетельствует о современном процессе развития значения.

П а х т а "заросшее русло реки" (СТЭ). Встречается лишь в Холмогорском районе Архангельской области. Кроме того, п а х т о й в архангельских говорах называется болото (сырое и сухое, заросшее и незааросшее травой, кустарником, лесом), а также покос на болоте и даже торф. Здесь же Севернорусской топонимической экспедицией Уральского университета зафиксировано и производное от п а х т а - п а х т о в и н а "болото". Термин п а х т а отмечен у Подвысоцкого и Куликовского, но совершенно в другом значении: "утес". арх. (Подвысоцкий, 118), "скала, утес", олон. (Куликовский, 79). Через фин. *pahta* "каменная плита" или непосредственно из саам. *кольск. рахте* - то же (патс.) - Фасмер III, 222. Возможно, п а х т а в гидрографическом и топонимическом значениях - это вариант термина п о б х т а ("болото; заросшее озеро и озеро в болоте, топкое место; сырое место в лесу; низкий, заболоченный берег реки, озера" - СТЭ), встречающегося в говорах Белозерья. Известно, что прибалтийско-финское а соответствует в русском языке либо а, либо о¹⁴. Поскольку в литературе утверждается, что эти соответствия в той или иной степени отражают время русско-финно-угорских контактов (более ранние и поздние контакты), то наши материалы очень хорошо иллюстрируют и подтверждают это: п о б х т а (во всех значениях) встречается в районе Белозерья, т.е. древнейшего района первоначальной колонизации русских, а п а х т а - только в бассейне Северной Двины (Верхняя Тойма, Пинега, Холмогоры), т.е. района позднейшего заселения русскими. Вероятно, это заимствование из какого-то исчезнувшего финно-угорского языка, ср.: "Нотозеро рэ́ж'к'э", Кильдин рэ́ж'к'э, Иоканга рэ́ж'к'э "возвышенность, поросшая карликовой березкой и ягелем"¹⁵.

14 Матвеев А.К. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера..., т.2, с.204-208.

15 Itkonen T.J. Wörterbuch des Koltas- und Kolalappischen. I. Helsinki, 1958, S.333.

Т и х а "небольшое озерко, образовавшееся в месте изгиба реки", "старица" (СТЭ). А.К.Матвеев считает его прибалтийско-финским заимствованием: "В качестве возможного этимона можно привлечь прибалтийско-финское слово, имеющее значение "пруд", "небольшое озеро", "яма с водой" (фин. tiikki, диал. tiikka, tiiki, эст. tiik (род.пад. tiigi), ливв. diik), восходящее, в свою очередь, к германским источникам (SKES, 1290)"¹⁶.

Для наименования старого русла реки в архангельских и вологодских говорах служит многочисленная и разнообразная по происхождению лексическая группа, славянская часть которой построена по тем же словообразовательным моделям (отглагольные и отыменные существительные), что характерны для названий истока, верхнего течения и устья реки. Некоторые заимствованные названия, не сохранив значение янкла-источника, развили новые значения (в основном, по смежности) уже на русской почве.

Рассмотренные две группы гидрографических терминов довольно четко отличаются одна от другой своим происхождением. Если первую группу лексики, служащей для обозначения истока, верхнего течения и устья реки (ручья), составляют исключительно славянские по происхождению слова, то вторую — как славянские, так и неславянские образования. Очевидно, объяснить это явление можно тем, что все народы так или иначе с древнейших времен были связаны с рекой — этой важной в жизни человека реальностью, — поэтому в языке каждого народа есть речная терминология (по крайней мере, несколько слов, называющих саму реку и главные ее части: начало и конец). У русских переселенцев эти родовые названия имелись, и необходимости в их заимствовании не было. Характер течения реки, конфигурация русла, особенности почвы берегов и другие явления, тесно связанные с рельефом местности, в языках разных народов отражаются в зависимости от самого рельефа и в силу этого могут иметь названия, а могут и не иметь их. То, что поразило русских переселенцев в природе русского Севера, и то, что требовало своего названия, было создано с помощью исконно славянских элементов или

¹⁶ Матвеев А.К. Два этимологии, с.63.

заимствовано из языков народов, с которыми русские вступили здесь в контакт. Отсюда то многообразие славянских и неславянских (в этимологическом плане) образований для названий старого русла реки.

Поскольку морфологические системы русского языка и финно-угорских языков различны и в финно-угорских языках нет категории рода, все заимствования в русском языке, как правило, приобретали эту грамматическую категорию и оформлялись соответствующим образом. По наблюдению И.В. Сало¹⁷, большинство заимствований в русском языке оформляются в группу существительных женского рода. Все наши примеры подтверждают это: т и х а, к у р ь я, д а м б и н а, п а в н а и др. – существительные женского рода.

-
- 17 Сало И.В. Влияние прибалтийско-финских языков..., с.8-9.

М.Э. Рут

Уральский университет

К проблеме разграничения субстратной и заимствованной лексики финно-угорского происхождения на территории русского Севера

Хотя вопрос о финно-угорском субстрате в русском языке не нашел однозначного решения в исследованиях¹, однако признание факта, что таковой субстрат существует, в настоящее время стало общим местом большинства работ исторического цикла русистики. Обстоятельный обзор истории и современного состояния вопроса дан в монографии В.Венкера², поэтому нет необходимости останавливаться на этом подробно. Отметим лишь два момента.

Во-первых, сами понятия "финно-угорский субстрат" и "русский язык" слишком широки, чтобы применять их без

-
- 1 Ср., напр.: Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР, 1956. Т.9. Дискуссия о теории субстрата, с.35 (Б.А.Серебренников), с.98 (В.М.Хирмунский), с.114-115 (А.А.Реформатский), с.120 (П.С.Кузнецов), с.127 (В.Н.Сидоров).
2 Veenker F. Die Frage über der finnougrischen Substrats in der Russischen Sprache. Bloomington, 1967.